

Ленинские горы как гетеротопный локус Культуры Два

Василий Шукин

Ягеллонский университет
Краков, Польша

Гуманитарии самого разного профиля и, в особенности, историки литературы нередко склонны понимать явление гетеротопии в переносном смысле – как любого рода «инакоморфность» и «инакозначимость», совсем не обязательно связанную с реальной топографией. Пафос моей статьи направлен в противоположную сторону. Мне хотелось бы вернуться к геокультурным истокам этого понятия и рассказать о Ленинских (Воробьевых) горах – весьма примечательном гетеротопном локусе таким образом, чтобы подчеркнуть связь очевидной культурно-поэтической метафорики с историей реального фрагмента земной поверхности. По моему глубокому убеждению, гетеротопию следует определять как *пространство или место, воспринимаемое и/или создаваемое в результате деятельности индивидуального и интрасубъективного сознания в качестве иного по отношению к этому сознанию*. Пространственные метафоры непространственных явлений (например: «ювенильное море», «страна чудес») не должны рассматриваться в качестве гетеротопий.

Свалка (Кржижановский 1989: 272), разнобой, путаница (Веселова 1998: 98, 115–116), идейно-стилевая анархия – эти и подобные понятия давно стали привычными атрибутами Москвы. Бахтинское многоголосие – удел любого большого города, но даже большие города иногда хотя бы внешне стремятся к стройной одностильности, как Барселона или Петербург: гетеротопии там, конечно, есть, но не они определяют сложившийся облик города. Перемещаясь из конца в конец по «коренному России граду» (Глинка 1965: 604), можно прийти к выводу, что весь он состоит из одних только гетеротопий, и даже Кремль, наиболее распространенная синекдоха Москвы в неисчислимых публицистических дискурсах, – самая что ни на есть гетеротопия. Ведь первое, что испытывает рядовой москвич, когда оказывается по ту сторону Троицких или Боровицких ворот (а случается это в среднем раз в пять-шесть лет) – это ощущение чужого, незнакомого пространства, в котором все

не так, как на знакомых с детства улицах и площадях. И таких «мест иных», пусть не огражденных и не охраняемых в буквальном смысле слова, в Москве настолько много, что разыскать в этом городе типичный, поленовский «московский дворик» стало едва ли не труднее, чем место чудное, гетеротопно остранинное.

Правый высокий берег Москва-реки, обрамляющий Лужнецкую излучину и именуемый Воробьевыми горами – место весьма примечательное: оно и насквозь московское, и до необыкновенности особенное. В этом смысле оно может поспорить с такими же замечательными локусами, как, например, гора св. Геллерта в Будапеште или Антакальнис в Вильнюсе. Поэтому и градостроители, и другие деятели истории и культуры не могли обойти его стороной, то поэтизируя его, то пытаясь построить там нечто выдающееся и рассчитанное на века. В результате этих действий, некоторые из которых приобретали драматический или противоречивый характер, к середине XX в. на Воробьевых горах возник гетеротопный город науки – Ленинские горы. Яркой особенностью этого локуса было по возможности точное соответствие канонам тоталитарной Культуры Два (Паперный 1996). Генетические предпосылки возникновения этой гетеротопии являются главным предметом настоящей статьи.

Несколько слов об употребляемых топонимах и терминах.

Эпитет *Ленинские* бытовал в речевом общении москвичей параллельно эпитету *Воробьевы*, согласно издавна принятой на Руси привычке отделять официальное от «народного» без бойкотирования первого. Вся местность официально носила название Ленинские горы с 1935 по 1991 г. (Ленинские горы 1973: 328; Вострышев 2007: 108). Однако до сих пор существует официальный адрес Московского университета – «Москва 119991, ул. Ленинские горы, д. 1», а до 1999 г. существовала станция метро «Ленинские горы» и еще многое другое в том же духе. Согласно распространенной версии, Ленинскими предложил назвать Воробьевы горы Л. М. Каганович в 1924 г., после смерти «вождя», ссылаясь на то, что весной 1918 г., сразу после переноса столицы в Москву, Ильич часто приезжал туда отдыхать (Мячин 1977: 147). Правовой акт, санкционировавший переименование *местности* Воробьевы горы в Ленинские горы, появился лишь в 1935 г. Это было уже не просто «ценное предложение» одного из администраторов новой власти, а закономерный акт советского символично-семиотического перекодирования, явившийся одним из мероприятий утверждавшейся Культуры Два. Поэтому в настоящей работе я сознательно оперирую термином *Ленинские горы*.

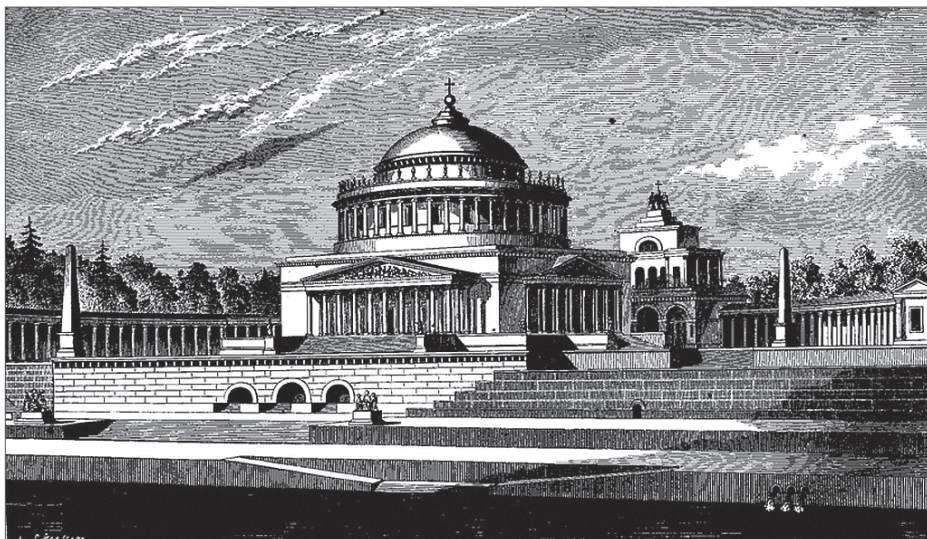
Остается обосновать термин *локус*. Проблема, связанная с его употреблением, заключается в том, что многие геокультурологи и литературоведы употребляют его как синоним термина *топос*. Но это не одно и то же. В настоящее время термин *топос* употребляется в двух отличающихся друг от друга значениях. Во-первых, согласно концепции Э. Р. Курциуса, топосы – это «устойчивые клише, схемы выражения (Ausdruckschemata), которые распространились в античной и средневековой литературе вследствие влияния на нее риторики» (Махов 2008: 264). Однако несколько

десятилетий назад, под влиянием работ В. Н. Топорова и его школы, понятие топоса стали связывать не с риторикой или мотивологией, а с культурной топографией (ср., например: «топос столичного города», «сакральный топос», «топос усадьбы как райского уголка» и т. п.). На мой взгляд, такое словоупотребление возможно, но при этом не следует забывать, что понятие «топографического» топоса достаточно абстрактно, не имеет статуса единичного явления и, как правило, не имеет четко обозначенных границ, характерных для феномена географического места (в максимальном варианте – местности). Локус же – это как раз прежде всего сравнительно небольшое, компактное и вполне конкретное место, о котором можно сказать: «Поедем-ка завтра в Веркяй (в Парк Горького, в Сокольники и т. п.)». Однако в процессе культурного семиозиса локус, в отличие от любой произвольно взятой географической местности, приобретает особую культурную репутацию, позволяющую ассоциировать отдельные локусы то с чудесными происшествиями, то с торговлей, то с историей литературы. Поэтизация локуса превращает его в литературное урочище (*locus poesiae*), но это уже следующий аспект проблемы (Топоров 1988: 67).

Первое, о чем следует упомянуть, говоря о любом локусе, а тем более гетеротопном, это особенности его *ландшафта*. Москвичи издавна считали Воробьевы горы местом особенным по очень простой причине: смотреть на них из города *красиво*, а смотреть с них на город *еще красивее*. И сейчас не найти места, откуда Москва смотрится так привлекательно, как оттуда. Уже Н. М. Карамзин упоминает Воробьевы горы, рисуя панораму Москвы в самом начале *Бедной Лизы*: «Подале, в густой зелени древних вязов блистает златоглавый Данилов монастырь; еще далее, почти на краю горизонта, синеются Воробьевы горы» (Карамзин 1971: 591). Поэтический мифотворец видит в них край света, именуемого Москвою, горизонт, который всегда волнует и манит. И потому нет ничего удивительного в том, что красота и особое положение этого локуса на краю московской «ойкумены» не могли не стать предпосылкой для его интенсивной мифологизации и поэтизации.

Характерным примером может послужить описание поездки на Воробьевы горы в макроэссе М. Н. Загоскина *Москва и москвичи* (1838–1842). Рассказчик, скрывающийся под именем Богдана Ильича Бельского, везет туда своего гостя, француза Дюверние.

Потом, когда поднялись на первые возвышенности Воробьевых гор, налево стали обрисовываться, на самом краю горизонта, отдаленные части города: ближайших не было еще видно; но мой путешественник, как будто бы предчувствуя, что перед ним готова открыться великолепная картина, не спускал глаз с левой стороны нашей дороги. Мы въехали по узкой дорожке в мелкий, но частый лес. Вот он стал редеть, дорожка круто поворотила влево, мы въехали на открытое место, и третья часть Москвы, со всеми своими колокольнями, церквами и каланчами, которые так походят на турецкие минареты, разосталась, как *нарисованная*, под нашими ногами <...> Как в волшебной *опере*, менялись поминутно *декорации* этой обширной *сцены*: при каждом повороте дороги, при каждом изгибе гор Москва принимала новый вид (Загоскин 1898: 23–24. Курсив мой. – В. Ш.)

Ил. 1. А. Л. Витберг. Проект храма Христа Спасителя на Воробьевых горах (гравюра Л. А. Серякова).

Автор отрывка подчеркивает *живописность* (точнее, «картинность»), *театральность* и *динамичность* великолепной панорамы города, открывающейся с поросшего лесом Воробьевского обрыва. Но если так, то почему бы не построить там нечто величественное, откуда можно было бы любоваться Москвою? А вдобавок видное издали: от Кремля, с Красной площади, с Тверского холма?

Во времена Загоскина это «нечто» уже строили. В день Рождества Христова, 25 декабря 1812 г., когда последний солдат 600-тысячной армии Наполеона был изгнан из пределов России, император Александр I подписал Высочайший Манифест о построении в Москве церкви во имя Спасителя Христа. 12 октября 1817 г. император заложил в его основу краеугольный камень не где-нибудь, а именно на Воробьевых горах. Идея построить храм принадлежала генералу армии Михаилу Кикину, а среди инициаторов его локализации на месте сгоревшего Воробьевского дворца называют графа Федора Ростопчина – генерал-губернатора и главного инициатора поджога занятой Наполеоном столицы.

Сентиментально-романтическая поэтизация Воробьевых гор представляет собою некое предисловие, которое предшествует сознательному и планомерному построению гетеротопии Ленинских гор в XX в. В этом отношении история данного локуса напоминает историю сравнительно поздней мифологизации Арбата (1930–1950 гг.), которой также предшествовала своя предыстория (Кнабе 1998: 140–163). На мой взгляд, можно утверждать, что интересующий нас локус стал бы гетеротопным по отношению к остальному городскому ландшафту на сто лет раньше, если бы там построили храм Христа Спасителя по проекту Александра Витберга.

Тяжеловесная классицистическая громада, обремененная масонской символикой и расположенная не в центре, а возвышавшаяся над городом, воспринималась бы как слишком уж «немосковское», чужеродное тело (ил. 1). Несостоявшийся храм, запланированный согласно строго рационалистической схеме, о чем красноречиво свидетельствует соответствующая глава *Былого и дум* Герцена (Герцен 1969: 239–243), явился первым звеном мифологической цепи, приведшей, в конце концов, к Ленинским горам как к территории Просвещения, Науки и Прогресса.

Вторым звеном этой цепи явилась знаменитая клятва Герцена и Огарева (наиболее вероятная ее дата – 1827 г.; Ждановский, Гурьянов 1969: 847):

Мы ушли от них вперед и, далеко опередивши, взбежали на место закладки Витбергова храма на Воробьевых горах.

Запыхавшись и раскрасневшись, стояли мы там, обтирая пот. Садилось солнце, купола блестели, город стлаался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас, постояли мы, постояли, оперлись друг на друга и, вдруг обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу <...>

С этого дня Воробьевы горы сделались для нас *местом богомолья*, и мы в год раз или два ходили туда, и всегда одни (Герцен 1969: 80–81. Курсив мой. – В. III.).

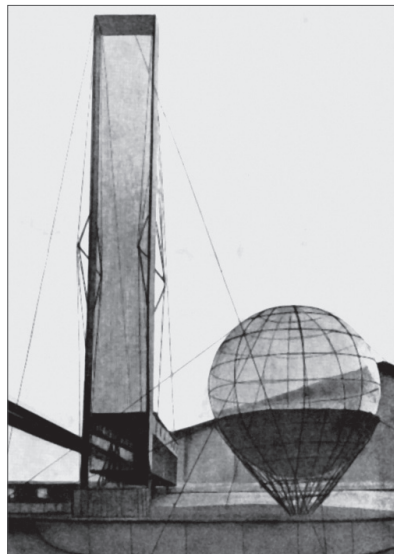
Некоторые моменты в этом известном фрагменте *Былого и дум* обращают на себя особое внимание. Во-первых, следует отметить момент *сакральности* происходящего. Юношам (и, видимо, сопровождавшим их взрослым) пришло в голову «взбежать» именно на место закладки Витбергова храма, то есть в место особенное, заранее отмеченное печатью священности. Чувство священности, доходящей едва ли не до религиозного экстаза, особым образом подчеркивается, когда автор сообщает о том, что Воробьевы горы сделались для него и Огарева «местом богомолья». Во-вторых, Герцен счел нужным спустя долгие годы обратить внимание не только на «избранную нами борьбу» (по всей видимости, за идеалы декабристов, культ которых процветал в их семьях), но и на *красоту Москвы*, расстилавшейся под горой: в воображении романтика священное всегда сочетается с прекрасным. И, наконец, в-третьих, Воробьевы горы объявляются местом религиозного служения восторженной романтической *дружбе*, превращаясь в своего рода *locus amittitiae sacra* в сознании как обоих юношей, так и их благодарных читателей. Можно предположить, что после прочтения *Былого и дум* немало охваченных восторгом молодых людей приходило на Воробьевы, а впоследствии и на Ленинские горы, чтобы произнести там ту или иную торжественную клятву.

Возвышенная «энергетичность» этого места, как никакого другого во всей Москве, включая семантически двойственный Кремль, в свое время повлияла и на автора этих строк, который всегда приходил туда перед тем как на длительное время покинуть родной город и который в детстве мечтал, чтобы его похоронили на Воробьевых горах. Но если на него в первую очередь влиял фактор красоты открывающихся отсюда видов (ср. герценовское: «садилось солнце, купола блестели,

город стался на необозримое пространство под горой»), то профессор Т. Е. Автухович в обсуждении настоящего доклада на конференции «Вильнюс::гетеротопии» 19 сентября 2013 г. вспоминала об атмосфере в МГУ на Ленинских горах в 1970-е гг. как о «пространстве свободы, в котором царил дух вольного товарищества»¹, тем самым свидетельствуя о прочности и актуальности герценовско-огаревского мифа.

Третьим звеном мифологической цепи стала близкая к осуществлению идея построить на месте закладки храма Христа Спасителя Институт библиотековедения им. В. И. Ленина по проекту Ивана Леонидова (ил. 2) – одного из корифеев русского конструктивизма, архитектора-визионера, чьи идеи смогли осуществиться лишь годы спустя в Центральном ансамбле Всемирной выставки в Нью-Йорке (1939), в проекте ратуши в Торонто Вильо Ревелла (1958–1965) и в правительственном центре в Бразилиа Оскара Нимейера (1959–1960). При всей непохожести на неоклассицизм Витберга, леонидовские стеклянные шары и параллелепипеды несли в себе ту же самую идею разумности и идеального порядка. Появилось и нечто новое – идея *науки*, воплощенная в *храме книжной мудрости*, что было вполне в духе веры в безграничные возможности науки и техники, которая была так характерна для конструктивизма 1920-х гг.

Стоит обратить внимание еще на одно важное топографическое обстоятельство. Высшая точка Воробьевых гор, на которой стоял сгоревший Воробьевский дворец и где должны были быть построены сначала Витбергов храм, а затем леонидовский Институт библиотековедения (ныне это так называемая Университетская площадь и Смотровая площадка как ее фрагмент, непосредственно примыкающий к обрыву), находится на воображаемой (и едва ли не идеально прямой!) оси, связывающей Лобное место на Красной площади, которое в Средневековье символизировало Голгофу (*Москва белокаменная* 1875: 139, 174, 189), Успенский собор в Кремле и храм Христа Спасителя по проекту К. А. Тона (или Дворец Советов, так и не построенный на его развалинах). Далее эта ось шла вдоль Пречистенки, делила пополам Девичье поле и Лужники, пересекала Лужнецкую излучину Москва-реки в самой середине ее полуокружности и, наконец, упиралась в сакральный центр Воробьевых / Ленинских гор, на котором *нельзя было не построить* некоего величественного здания. И такое здание было построено в 1949–1953 гг.: это высотное здание Московского

Ил. 2. И. И. Леонидов. Проект Института библиотековедения им. В. И. Ленина на Ленинских горах, 1927.

¹ Цитирую по записи в блокноте.

Ил. 3. Высотное здание Московского университета им. М. В. Ломоносова. Фото Оскара Рассона.

этот «храм», так как, несмотря на официально декларируемый атеизм, еще русская революция (Культура Один) имела сакральный характер (Бердяев 1990: 28–37), а тоталитарная культура, заменив революционную динамику апофеозом финального торжества, сохранила и даже усилила религиозный пафос своего воздействия (Паперный 1996: 27–40). Об этом красноречиво свидетельствует устная легенда о том, что четыре колонны из цельной яшмы, размещенные перед залом заседаний Ученого совета МГУ (кабинетом ректора) на девятом этаже так называемой зоны А², то есть центральной башни «высотки», уцелели при сносе тоновского храма Христа Спасителя в Чертолье. Другая легенда гласила, что в отделке высотного здания использовались материалы разрушенного Рейхстага, в частности редкий розовый мрамор, что не соответствует действительности; зато химический факультет в самом деле был частично оборудован немецкими трофейными вытяжными шкафами. Последняя легенда лишена сакрального смысла, зато хорошо передает важное для Культуры Два финалистическое сознание победителей и подспудно осознаваемое семантико-стилистическое родство советского и немецкого вариантов этой культуры.

Учиться в университете на Ленинских горах было мечтой многих юношей и девушек послевоенного времени, которые еще верили в торжество прогресса и в популярный в то время лозунг «Знание – сила». Исполняемая то и дело по радио песня «Ленинские горы» (1949, музыка Ю. С. Милютин, слова Е. А. Долматовского) проникала в юные сердца благодаря заключенному в ней пиетическому восторгу и банальной сентиментальности, которая всегда «отыщет уголок» в сердце русского человека. Евгений Долматовский, один из талантливейших творцов Культуры Два, прекрасно понимал, к каким душевным струнам простых советских людей нужно

университета им. М. В. Ломоносова (ил. 3). Таким образом, предыстория Ленинских гор благополучно завершилась: началось их активное участие в осуществлении торжества Культуры Два.

На Ленинских горах построили не только Дворец, но и Храм науки. Вторая метафора звучала значительно реже, но все же поэт М. М. Морозов в 1951 г. или Даниил Гранин в повести *Искатели* (1954) именно так называли высотное здание МГУ. Такое словопотребление полностью соответствовало сущности Культуры Два, создавшей

² Отдельные части (крылья, флигели) высотного здания МГУ, которое, разумеется, строили заключенные, называются как в ГУЛАГе – зонами.

прикоснуться, чтобы утвердить в их сознании исключительную роль лениногорской гетеротопии:

Друзья, люблю я Ленинские горы,
Там хорошо рассвет встречать вдвоем;
Видны Москвы чудесные просторы
С крутых высот на много верст кругом,
Стоят на страже трубы заводские.
И над Кремлем рассвета синева...
Надежда мира, сердце всей России,
Москва – столица, моя Москва.

Когда взойдешь на Ленинские горы,
Захватит дух от гордой высоты:
Во всей красе предстанет нашим взорам
Великий город сбывшейся мечты.
Вдали огни сияют золотые,
Шумит над нами юная листва.
Надежда мира, сердце всей России,
Москва – столица, моя Москва.

Вы стали выше, Ленинские горы,
Здесь корпуса стоят, как на смотрю.
Украшен ими наш великий город.
Сюда придут студенты поутру.
Мы вспомним наши годы молодые
И наших песен звонкие слова.
Надежда мира, сердце всей России,
Москва – столица, моя Москва.

(Долматовский 1977: 293)

Текст песни избилует типичнейшими для Культуры Два общими местами: «над Кремлем рассвета синева» (а не заката, как у Герцена), «чудесные просторы», «гордая высота», «великий город сбывшейся мечты», «годы молодые», «песен звонкие слова»... Что ни слово, то сладко-возвышенная метафора, напоминающая об одержанной Победе и уготованном всем Счастье.

Этот своего рода гимн Ленинских гор превосходно исполнил роль канонизирующего текста, который регламентировал свершившееся формирование лениногорской гетеротопии как *царства разума, науки и культуры*. Переходим к краткому описанию этой территории.

Я намерен остановиться на двух проблемах: 1) границы локуса и его особо значимые, акцентные составляющие; 2) специфика «инаковости» Ленинских гор на общем фоне Культуры Два.

1. Специфически маркированная территория Ленинских гор выходит далеко за пределы уступа Теплостанской возвышенности. Центральное место всей гетеротопии занимает комплекс зданий МГУ, которые, образуя гармоническое единство в

неоклассицистическом стиле, со всех сторон окружают главное, высотное здание с его многочисленными «зонами». Этот комплекс постепенно пополнялся все новыми сооружениями и микролокусами: это физический и химический факультеты, первый и второй корпус гуманитарных факультетов, ботанический сад, обсерватория, спортивный комплекс, столовая, гаражи, лаборатории и т. п. Долгое время университетский «кампус» не осмеливался выходить за неписанные границы, обозначенные Университетским проспектом на северо-востоке, Мичуринским проспектом на северо-западе, проспектом Вернадского на юго-востоке и Ломоносовским проспектом на юго-западе. Но в 2005 г. на продолжении вышеупомянутой оси, связывающей Лобное место с главным зданием университета, было построено здание Фундаментальной научной библиотеки МГУ, и тем самым университетский городок вырвался за пределы Ломоносовского проспекта в сторону большого пустыря, который никак не мог принадлежать к благородной гетеротопии разума, науки и культуры, ибо там размещался подземный командный штаб противовоздушной обороны Москвы с боевыми ракетами.

На территории лениногорской гетеротопии находились также комплекс зданий Научно-исследовательского института геохимии АН СССР им. В. И. Вернадского, Институт физических проблем им. П. А. Капицы в бывшей Мамоновой даче (на ее территории вдобавок располагались и особняки партийной номенклатуры) и величественное посольство Китайской Народной Республики – самого могучего и надежного «друга» СССР. Позднее в пределах локуса были построены неоконструктивистский Дворец пионеров и школьников (1962), здание Президиума Российской Академии наук (1990), именуемое в народе «Золотыми мозгами», Большой Московский Государственный цирк на проспекте Вернадского (1971), а также Московский Государственный академический детский музыкальный театр им. Н. И. Сац (1979). Невозможно не упомянуть также ренессансно-неоклассицистический дворцово-парковый комплекс Дома приемов ЦК КПСС (1962)³, располагающийся над Москва-рекой, в западной части ее излучины.

Таким образом, границы гетеротопного локуса Ленинские горы как территории благородства, разума, науки и культуры образуют: излучина Москва-реки, от впадения р. Сетуни до Андреевского монастыря в Пленницах (у Калужской заставы), Мосфильмовская улица, Ломоносовский проспект, улица Коперника, юго-восточный край парка, в котором расположен бывший Дворец пионеров, фрагмент улицы Зелинского и фрагмент Воробьевского шоссе⁴ до Калужской заставы⁵. В этом районе Москвы преобладают довольно милые дома из белого кирпича, «с повышенными удобствами», особенно много зеленых насаждений, парков, садов (даже настоящие яблоневые сады около цирка и в ботаническом питомнике МГУ), но есть

³ Ныне Дом приемов Администрации Президента Российской Федерации.

⁴ С 6 мая 1981 г. – улица Косыгина.

⁵ С 11 апреля 1968 г. – площадь Гагарина.

и немало закрытых от постороннего глаза территорий за высокими заборами, где проходят важные (строго секретные) научные исследования и приемы важных лиц, которые также нередко бывают секретными.

Заметим, что «учебно-научный» район современной Москвы выходит далеко за пределы Ленинских гор, но все же «жметя» к юго-западу столицы. Сразу после Второй мировой войны был построен ряд академических институтов вокруг Калужского шоссе⁶, проведена сеть Академических проездов, в которых появились коттеджи с квартирами для ученых. Топонимика этих мест также подчинена тематике наук (главным образом, точных и естественных) – ул. Вавилова (бывш. 1-ый Академический проезд), ул. Зелинского, ул. Бардина, ул. Ляпунова, ул. Ферсмана и т. п. В 1970-е гг. семантическое поле «научности» растеклось по спальному району Беляево-Богородское и докатилось до Теплого Стана, все время сохраняя направление на юго-запад – к свету знания, к западным удобствам и рациональности.

2. По моему глубокому убеждению, преобладающим «энтелехийным» началом, духом именно советской (а не всей русской) культуры сталинского периода было торжество деревенщины над городской книжной образованностью. Под деревенщиной я понимаю не традиционную крестьянскую культуру, которая к началу XX в. стремительно утрачивала патриархальную невинность (ср. повесть А. П. Чехова *В овраге* или *Деревню* И. А. Бунина), а «культуру» необузданной, самоуверенной и малообразованной массы, гордо называвшей себя советским народом и открыто презиравшей умных, чистеньких и слаонервных интеллигентов. Нищета материи и духа⁷, хамство как норма поведения, дурно понятый коллективизм, который, среди прочего, выражался в привычке бесцеремонно лезть в чужие дела, привычка говорить и думать, как блатные, и еще многое другое, о чем неоднократно писалось, – такую была «генеральная линия» не официальной, а реальной советской культуры (ср. Кантор 2005: 28–38, 49–52). Как проникновенно писал еще в 1847 г. Т. Н. Грановский,

массы, как природа или как скандинавский Тор, бессмысленно жестоки или бессмысленно добродушны. Они коснеют под тяжестью исторических и естественных определений, от которых освобождается мыслью только отдельная личность. В этом разложении масс мыслию заключается процесс истории. Ее задача – нравственная, просвещенная, независимая от роковых определений личность и сообразное требованиям такой личности общество (Грановский 1900: 445).

Советским людям «мужицкого» закваса нравилась не поэзия Пастернака, а стихи Есенина, не проза и драматургия Булгакова, а романы Шолохова (я нарочно называю авторов, обладавших подлинным талантом). Своим поведением они напоминали не какого-нибудь Кавалерова из *Зависти* Юрия Олеши, а Василия Иваныча

⁶ С 13 декабря 1957 г. – Ленинский проспект.

⁷ Нищету обоих этих начал неплохо передает поговорка сталинских времен: «Коза – сталинская корова: ты ее подоишь, а она тебе: “Бляя...”» (цитирую со слов моего отца, Георгия Александровича Щукина).

Чапаева или Максима из кинотрилогии Г. М. Козинцева и Л. З. Трауберга – вчерашних мужиков, волею «случая» ставших «народными» революционерами или «народными» полководцами. А так называемая советская власть сталинского периода, жестоко угнетая этот «народ», тем не менее заботилась не только о собственных интересах, но и была вынуждена выражать интересы темных и полутемных, деревенских и полудеревенских масс, ибо своими социальными корнями была теснейшим образом с этими массами связана.

Но история не может не идти вперед. Повторим слова Грановского: «В <...> разложении масс мысляю заключается процесс истории». Поэтому, если бы можно было представить себе каноническую советскую культуру как некое пространство, например, поле (что, конечно, является упрощением), то в этом поле даже малоискушенный наблюдатель легко заметил бы наличие *гетеротопий* – то есть элементов вроде бы и советских, да не совсем. Не маргинальных, не идущих вразрез, но явно отличающихся от «генеральной линии».

Искусствовед Екатерина Сальникова на многочисленных примерах убедительно доказала, что так называемый «большой советский стиль» на самом деле был в высшей степени гетерогенным, сотканным из неоднородных элементов, некоторые из которых выглядели даже подозрительно, но тем не менее сосуществовали *внутри* общепринятой тоталитарной модели. Тут и индивидуализм позднего Маяковского, от которого никуда не денешься, и «самочинный модернизм» фильма Абрама Роома *Строгий юноша* (1936) по сценарию Ю. Олеси, и постепенный отказ от революционно-некрофильского аскетизма («и, как один, умрем в борьбе за это») в пользу неоклассического традиционализма или универсального гуманизма с неизбежными поправками на советский контекст. Тут и скрытая тоска по быломu изяществу или даже «буржуазности» – безукоризненная косметика Любови Орловой, модные шляпки Валентины Серовой, элегантные рояли или сверкающие чистотой санатории и родильные дома как общее место в «тоталитарных» киносценариях и, наконец, агитация за потребление, особенно сильно ощущаемая в искусстве плаката (Сальникова 2008: 21–41, 71–100). Возвращаясь к Ленинским горам: в подвальной части зоны В высотного здания МГУ еще в 1970-е гг. был магазин, где продавались концентраты, пряности, сухофрукты, чай и кофе. На его витрине красовался плакат времен постройки здания (1953), изображавший «элегантного» мужчину в пиджаке с галстуком и с пробором в волосах (полнейшая «буржуазность»!), который держал в руке стеклянную банку с наклейкой «Борщ». На плакате было начертано следующее стихотворение (цитирую по памяти):

Вот борщ: вкуснее всех борщей,
Из первосортных овощей.
Купи, открой, включи горелку,
Вскипит – и наливай в тарелку.

Но все же не «буржуазный» лоск, не американский комфорт (мраморные холлы или отделанные мореным дубом скоростные лифты!) и прочая «изящная жизнь»

были главными отличительными чертами гетеротопии, именуемой Ленинским горами. В советской культуре тридцатых, сороковых и пятидесятых годов достаточно сильна была просветительская, строго рационалистическая линия, склонная к традиционализму неоклассического толка, но ориентированная не на XVIII в., а скорее на идеализм народничества в своей старании продолжать «столбовые духовные традиции демократической интеллигенции предреволюционных лет» (Кнабе 1998: 171). На ее знамени были начертаны священные для нее слова: Разум, Знание, Наука, Просвещение, Прогресс, Целомудрие, Благородство, Дерзание, Красота, Гармония. Георгий Кнабе определяет ее метонимически – «арбатская цивилизация»; к его исчерпывающему и удивительно верному описанию этого культурного феномена трудно что-либо добавить (Кнабе 1998: 163–179), и это определение вполне обосновано, несмотря на то что «арбатская цивилизация» расцвела пышным цветом не только на Арбате и в прилегающих к нему переулках, но также в Ленинграде⁸ и, конечно, в академгородках – Обнинске, под Новосибирском.

Ленинские горы относятся именно к этому ряду гетеротопий. Это был остров высокой образованности, благородства, благополучия⁹ и человеческого достоинства, вознесшийся среди моря невежества, хамства, нищеты и массовидного «человеческого материала».

ЛИТЕРАТУРА

- БЕРДЯЕВ, Н., 1990: Духовные основы русской революции. *Ит:* БЕРДЯЕВ, Н. *Собр. соч.* Т. 4. Париж: YMCA-Press.
- ВЕСЕЛОВА, И. С., 1998. Логика московской путаницы (на материале московской «несказочной» прозы конца XVIII – начала XX в.). *Ит:* КНАБЕ, Г. С., отв. ред. *Москва и «московский текст» русской культуры: Сб. ст.* Москва: Российский гос. гуманитарный университет, 98–118.
- ВЕШНИНСКИЙ, Ю. Г., 1998. Социокультурная топография Москвы: от 1970-х к 1990-м. *Ит:* КНАБЕ, Г. С., отв. ред. *Москва и «московский текст» русской культуры: Сб. ст.* Москва: Российский гос. гуманитарный университет, 198–225.
- Витберг, Александр Лаврентьевич. *Википедия*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Витберг,_Александр_Лаврентьевич [см. 20 03 2014].
- ВОСТРЫШЕВ, М. И., 2007. *Москва. Большая иллюстрированная энциклопедия: Москвоведение от А до Я*. Москва: Эскмо, Алгоритм; Харьков: Око.
- ГЕРЦЕН, А., 1969. *Былое и думы*, ч. 1–5. Москва: Художественная литература.
- Главное здание МГУ. *Википедия*. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Главное_здание_МГУ [см. 20 03 2014].

⁸ Красноречивым свидетельством «арбатских» (просветительских и левodemократических и к тому же вполне просоветских) настроений ленинградской молодежи предвоенной поры являются воспоминания Ю. М. Лотмана (1999: 325–326). Те же настроения превосходно передает Б. Л. Васильев в повести *Завтра была война* (1984).

⁹ Каким бы быстротечным и хрупким не было это благополучие и в сталинские, и в последующие годы.

- ГЛИНКА, Ф., 1965. Москва. *Ил:* МАКОГОНЕНКО, Г. П., ОРЛОВ, В. Н., ред. *Русские поэты: Антология в 4 т.* Т. I. Москва: Детская литература, 603–604.
- ГРАНОВСКИЙ, Т. Н., 1900. Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году. *Ил:* ГРАНОВСКИЙ, Т. Н. *Сочинения.* Изд. 4-е. Москва.
- ДОЛМАТОВСКИЙ, Е., 1977. Ленинские горы. *Ил:* КРЮКОВ, Н., ШВЕДОВ, Я., сост. *Русские советские песни (1917–1977).* Москва: Художественная литература, 293.
- ЖДАНОВСКИЙ, Н., ГУРЬЯНОВ, В., 1969. Примечания. *Ил:* ГЕРЦЕН, А. *Былое и думы*, ч. 1–5. Москва: Художественная литература, 843–864.
- ЗАГОСКИН, М. Н., 1898. *Полн. собр. соч.* Т. 7. Санкт-Петербург; Москва: М. О. Вольф.
- Здание Российской Академии наук. *Сов. секретно. Особая папка.* Режим доступа: <http://ss-ор.ru/reviews/view/80> [см. 28 03 2014].
- КАНТОР, В. К., 2005. *Русская классика, или Бытие России.* Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).
- КАРАМЗИН, Н. М., 1971. Бедная Лиза. *Ил:* МАКОГОНЕНКО, Г., сост. *Русская проза XVIII века.* Москва: Художественная литература, 591–605.
- КНАБЕ, Г. С., 1998. Арбатская цивилизация и арбатский миф. *Ил:* КНАБЕ, Г. С., отв. ред. *Москва и «московский текст» русской культуры: Сб. ст.* Москва: Российский гос. гуманитарный университет, 137–197.
- КРЖИЖАНОВСКИЙ, С., 1989. Штемпель: Москва. *Ил:* КРЖИЖАНОВСКИЙ, С. *Воспоминания о будущем: Избранное из неизданного.* Москва: Московский рабочий, 271–288.
- Ленинские горы, 1973. *Ил:* *Большая советская энциклопедия*, т. 14. Москва: Советская энциклопедия.
- Леонидов, Иван Ильич. *Википедия.* Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Леонидов,_Иван_Ильич [см. 22 03 2014].
- ЛОТМАН, Ю. М., 1999. Просматривая жизнь с ее начала... *Ил:* ЕГОРОВ, Б. Ф. *Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана.* Москва: Новое литературное обозрение, 323–330.
- Мамонова дача. *Википедия.* Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/Мамонова_дача [см. 17 03 2014]
- МАХОВ, А. Е., 2008. Топос. *Ил:* ТАМАРЧЕНКО, Н. Д., глав. науч. ред. *Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий.* Москва: Изд-во Кулагиной; Intrada, 264–266.
- МОКЕЕВ, Г. Я., 2007. *Небесный Град Святой Руси.* Москва: Союз писателей России, ИИПК «ИХТИОС».
- Москва белокаменная 1875. Москва белокаменная, ее святыни и достопримечательности.* Санкт-Петербург: издание Редакции народного журнала «Морской вестник».
- МЯЧИН, И. К., 1977. *По Москве-реке: Рублево. Беседы.* Москва: Московский рабочий.
- ПАПЕРНЫЙ, В., 1996. *Культура «Два».* Москва: Новое литературное обозрение.
- САЛЬНИКОВА, Е., 2008. *Советская культура в движении. От середины 1930-х к середине 1980-х: Визуальные образы, герои, сюжеты.* Москва: Изд-во ЛКИ.
- ТИХОМИРОВ, М. Н., 1997. *Средневековая Москва.* Москва: Книжный сад.
- ТОПОРОВ, В. Н., 1988. К понятию «литературного урочища» (Locus poesiae). *Ил:* НЕВЕРДИНОВА, В., ред. *Литературный процесс и проблемы литературной культуры. Материалы для обсуждения.* Таллинн: Таллиннский педагог. ин-т им. Э. Вильде, 61–68.
- Национальный корпус русского языка, 2014. Режим доступа: <http://www.ruscorgpora.ru/> [см. 22 03 2014].